

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

ТОМ I

«Воскресение»

Глава I

Эдем был единственным, кто мог с ним сравниться. Окутанный тихим туманом, безмятежный горный лес мог

Они служили совершенным и нетронутым раем — даже Непорочным Творением. Шумные птицы порхали в густой кроне зелёной плоти, а утреннее солнце пробивалось сквозь верхушки деревьев, отбрасывая цветные косые лучи света сквозь дымку. Затем и снова туман расступался, пропуская бродячее животное, осматривающее корни и личинки, чтобы снова поглотить его и стать тем, чем оно было прежде — нерушимой полупрозрачной стеной. Один лист лениво спирально проносился сквозь лучи солнца, исчезая в тумане. Ещё один. За первым листом последовал ещё один. Птицы замолчали — солнечный свет померк.

Так всё и началось.

Туман начал клубиться от убегающих животных, и с неба посыпались листья, ветки и перья.

Деревья словно стаи ярких птиц взмыли в небо. Горы загрохотали, деревья закачались, а земля зазвонила, словно удар гонга. В кульминацию этого зловещего звона с горного хребта хлынула толпа отвратительных крылатых существ. Некоторые, циклопы, возвышались до высоты деревьев. Другие, похожие на химер, были не выше человеческого ребенка. Все они были одеты в боевые доспехи, их перепончатые крылья беспорядочно дергались, когти вцепились в мечи и щиты. Тысячами сонм Ангелов, Гигантов и Гротесков, которые были Григори, Нефилимами, Эльджо, Горгонами, Титанами и Циклопами, обрушился с горного склона как одно целое — каскадная лавина разрушения. В авангарде бушующего пламени толпа ангелов с совершенно черными глазами вела спускающуюся толпу в затененную долину, прокладывая широкую полосу вдоль склона и прижимая лес к земле. Ни одно живое существо не осталось целым после этого нечестивого легиона. Затем, так же быстро, как и появился, весь этот хаос исчез.

Новая тишина окутала опустошенный ландшафт, столь же полный, как и разрушения, произошедшие с тех пор. Наконец, прозвучал гонг, и земля начала стонать от прохождения второй толпы. Через гору двинулся еще один легион Ангелов, одетых почти так же, как и первая орда, но в то же время достаточно непохожих, чтобы их можно было отнести к совершенно другому виду. Эти существа больше напоминали крупных мужчин и женщин, чем демонов; И хотя их глаза были одинаково черными, в них читалась скорее сосредоточенность, чем гнев.

Множество существ остановилось на вершине горы, осматривая разрушения внизу. Главный Ангел, Михаил, повернулся и заговорил голосом, подобным хору из тысяч людей. «Здесь сплетен обман — они остаются!» Обернувшись к, казалось бы, заброшенному склону внизу, он прорычал: «Семьяза, тебе не будет покоя! Отмени свое заклинание!» «Цербер! Аракиэль!» Ответа не последовало. «Покажитесь! По повелению Престола!» — взревел Ангел.

С небес спустились ещё две легиона ангелов, их численность почти полностью перекрыла всё остальное пространство. Солнце перед затмением среди строя Михаила. Это были войска Гавриила и Рафаила. Михаил обратился к ним, сказав: «Семьяза и его легионы внизу». Цербер предал и нас, объединившись с ...»

Внезапно упавшее дерево превратилось в ангела Аракиэля, раскрыв свой истинный облик и бросившись в сторону Михаила.

«Майкл!» — предупредил Рафаэль.

Майкл развернулся и взмахнул мечом в воздухе одним движением. Аракиэль набросилась на него, нанося удар мечом и визжа даже в тот момент, когда его клинок пронзил её. Она рухнула на землю и разлетелась на куски, превратившись в яростный рой растворяющихся пылинок. «Семьяза!» — крикнул Михаил. «Твой обман не избавит тебя от суда» .

Выйдя на поляну, Михаил воскликнул: «Здесь будут ещё одни врата!» — и вонзил меч в землю. Гора снова содрогнулась, когда Михаил вытащил сверкающий клинок, и из израненной земли хлынула кровь.

В воздухе раздался крик, и то, что сначала казалось валуном, превратилось в спотыкающуюся фигуру Семьязы, сжимающего зияющую рану в груди. «Цербер!» — закричал он. «Сломай меч! Закрой рану!» Когда Семьяза упал, его заклинание рассеялось, и пейзаж преобразился. Там, где раньше лежали поваленные деревья и валуны, теперь предстал легион демонов — тысячи их — притаившихся на опустошенном склоне горы. В одно мгновение один из них взмыл вверх по склону горы: ужасный Ангел с тремя собачьими головами, скрежещущими зубами и хлещущим змеиным хвостом — Цербер. Ветер усилился до небывалой силы, и клубы облаков забурлили, быстро сгущаясь по темнеющему небу.

«Эзекиль!» — воскликнул Семьяза. «Облака! Сломайте меч!» Затем Семьяза откатился на небольшое расстояние, умер и рассыпался в облако пыли. Войско Семьязы бросилось в атаку. Следуя за Цербером вверх по склону горы к Михаилу, три легиона на вершине горы спокойно отступили назад, преклонили колени и склонили головы. Черный вихрь спустился из вихревых облаков и опустился на землю. Земля задрожала, и из кровоточащей раны, нанесенной мечом Михаила, поднялся камень. Вихрь окутал грубый камень и почернил его, придавая ему форму и выгравировав на нем свои узоры в бешеном движении. Из этого хаоса возник отполированный прямоугольник, на пяти поверхностях которого были выгравированы сотни рядов замысловатых круглых и линейных символов.

Появление монолита обратило наступление Цербера в бегство. Атакующий легион развернулся как один и помчался вниз по горе, ужас сменил кровожадность в их черных глазах, но было уже слишком поздно. Врата были завершены. Убегающие Ангелы замедлили шаг, словно воздух стал вязким, замедлились, а затем остановились, пытаясь вырваться. Вихрь засасывал их, неумолимо увлекая к своему сердцу, пока каждый из них не был поглощен монолитом. Когда последний исчез, сердце монолита сгорело, оставив зияющую дыру в его центре. Вихрь поднялся в небеса, и облака замедлили свое вращение. В тишине Ангелы слышали шипение пара, поднимающегося от только что созданных врат.

Гладкий черный монолит возвышался на десять футов в высоту, пять футов в ширину и два фута в глубину, и каждый видимый дюйм его был покрыт стихами на языке ангелов и самого Бога. Стекло-черная поверхность монолита была идеально гладкой, как самое лучшее зеркало, а центральное отверстие имело безупречную форму, шириной в фут и пронизывая камень по всей ширине. Каменная печать была безупречна.

Преклонившие колени Ангелы поднялись. Михаил повернулся к Габриэлю. «Оставшиеся Стражи скрываются в холмах Ура». Габриэль взмахнул мечом и двинулся вверх по склону горы. «Габриэль!» — крикнул ему вслед Майкл.

Габриэль, не сбавляя шага, оглянулся через плечо, когда Михаил добавил: «Они должны быть убиты собственными мечами — по повелению Престола». Габриэль утвердительно взмахнул рукой в ответ, вскочил на большой камень и прогремел над головами своего легиона: «В долину Ур! К последним Григориям!» Габриэль устремился к западному горизонту, неся за собой весь свой легион.

«А куда сбежал Азазель, Михаил?» — спросил Рафаэль, и в его голосе слышалось множество людей. «Он прилетел в пустынные горы Харадана, — ответил Михаил. — Он поклялся «Союз с Люцифаэлем. Азазель поддерживает её притязания на трон в обмен на защиту в лице её превосходящих сил». Майкл осмотрел шипящий монолит. Они вдвоем обошли каменную печать, и Майкл продолжил: «И многочисленные легионы Батарель скоро пополнят её ряды». Майкл резко остановился и бросил взгляд на Рафаэля — на его лице появилась обеспокоенная бровь. «Если они объединятся, то Люцифаэль получит необходимое ей количество сторонников. Нефилимы также укрепят её ряды; и она желает Трона превыше всего». Рафаэль повернулся и прогремел над своими огромными небесными рядами мечей и крыльев: «Мы движемся против легионов Батарела и оставшихся орд нефилимов!» Половина ангелов устремилась в восточное небо, смыкая воздушные ряды позади Рафаэля. Затем Михаил приказал оставшимся: «Выстраивайтесь в ряды для ударов по новым легионам Люцифаэля! Она ждет нас; но Трон освещает нам путь! Как и прежде, мы первыми убиваем великанов и земных демонов. Мы движемся как единое целое — не медлите!» Облако белых крыльев и сверкающих доспехов взмыло в небо позади Михаила, оставив непоколебимую печать.

И вот печать простояла почти шестьсот веков, давно скрытая стихиями и временем, когда на ней оседала пыль, а затем слои грязи и камней. Застыв на азиатском континенте, она пребывала в спящем состоянии, пока десятилетия сменяли друг друга, словно спаривающиеся китайские подёнки.

После падения Стражей и Григориев, ангелов, которые заботились о земных делах, только человек остался, чтобы охранять прекрасную землю. И он делал это на протяжении многих поколений. Затем, ухаживая за своими садами, человек случайно обнаружил зарытые в землю ворота. Зная об этом Чтобы доказать его божественное происхождение, Он очистил пространство веков и воздвиг на его вершине храм. Ещё полтысячелетия Он хранил артефакт в тайне, поклонялся ему и Он строил свою жизнь вокруг этого — до того дня, когда стал достаточно образованным, чтобы открыть печать, и всё же остался достаточно безрассудным, чтобы попытаться это сделать.

~*~

Центральный Китай ~ июнь 1331 года

Сотни голубей выстроились вдоль массивной крыши богато украшенного китайского храма, кудахтая и клюя друг друга в поисках места на скудном выступе. И снова И снова одинокая птица взмыла с густо заросшего хребта, сделала широкий круг и вернулась наверх. Толпа, растворяясь в массе. Под выступом десятилетиями голубиный помёт оставлял серые и белые полосы на каменных поверхностях. Каменные статуи, установленные на равномерно расположенных платформах, выступали из голубиной полки. Каждая изображала гротескное каменное чудовище высотой четыре фута с перепончатыми, похожими на крылья летучей мыши крыльями.

Некоторые из этих каменных чудовищ были похожи на драконов, другие — наполовину люди, наполовину звери, а третьи были человекоподобными, но при этом примитивными на вид. Одни сидели на корточках с расправленными крыльями, другие — с прижатыми и сложенными крыльями, а также существовали различные комбинации этих двух образов. Детали статуй и их случайные позы были настолько реалистичны, что могли бы... Это были живые существа, застывшие в камне. Они торчали во все стороны, выстроившись вдоль всей верхней части храма.

Сам храм был удивительно древним, он состоял из неровных каменных плит, высеченных тысячу лет назад. Внешние стены сооружения были покрыты выветренными гравюрами с изображением летающих демонов, наиболее распространенной из которых была икона дракона с расправленными крыльями, полностью заключенного в три круга, имеющих общий центр. Три арочных входа опоясывали фасад храма, причем центральная арка была выше, чем арки по бокам от нее. Три восьмифутовых каменных изображения крылатых львоподобных зверей охраняли левый край каждой из арок, а над каждой из трех арок была выгравирована отчетливая китайская надпись. В целом, если читать справа налево, полный текст можно перевести как: «Храм Летающего Дракона».

Храм был окружен ухоженными садами, а извилистые тиковые мостики покачивались взад и вперед. Через извилистый ручей. За деревьями бонсай и валунами внутреннего сада фруктовые и ореховые сады, а также небольшие рощи лиственных деревьев уступали место более диким горным лесам. На окраине этих благоустроенных садов и нетронутых лесов китайский дрозд сидел на старом, местном дереве гингко, наполняя воздух спокойными звуками, в то время как лучи утреннего солнца играли на дорожках и прудах.

Из леса выстроилась вереница монахов в черных рясах, торжественно спускавшихся по камню.

Путь вел к зданию. Они плыли, словно туман, по тропинке, склонив головы и сложив руки перед собой. Молча, как смерть, они вошли в храм. Внутри бесчисленные свечи горели на каждой горизонтальной поверхности, а сладкий дым благовоний поднимался спиралью из перфорированных баллонов. Свечи и благовония, сливаясь воедино, придавали атмосфере внутри храмовых стен густую духовную ауру. Одетые в шелковые одежды монахи прошли через три последовательных зала, каждый из которых был больше предыдущего. Последний из них Оно было огромным, а его вогнутый потолок возвышался высоко над жрецами. Гравюры с изображением летающих зверей. Он опоясывал купол потолка. Бесчисленные пересекающиеся линии и надписи отмечали его изогнутую поверхность, напоминая подробную астрологическую карту небес.

В центре комнаты в полированном полу было вырезано идеально симметричное круглое отверстие. Яма была большой, почти тринадцать футов в глубину. Как и пол храма, цилиндрическая стенка отверстия была гладкой и отполированной, а в центре отверстия, на тринадцать футов ниже уровня пола храма, стояла каменная печать. Даже спустя шестьдесят тысяч лет Камень Ворот остался безупречным и нетронутым, как в тот день, когда он поглотил Стражей и большую часть небес.

Четыре истощенных священника сидели у края ямы, поджав ноги и откинув одежды с плеч, обнажая узкую грудь и тонкие руки; их дряхлое состояние свидетельствовало о длительных периодах поста. Пот блестел на их напряженных шеях и костлявых ребрах, а глаза горели в запавших глазницах, когда они сидели, словно статуи. Погруженные в глубокую медитацию, монахи окружили четырех священников, затем расселись плечом к плечу, образовав сплошную стену вокруг священников и ямы. По мере прибытия монахов, они образовали второй круг, затем третий, пока три концентрических кольца медитирующих святых не заполнили помещение. В глубокой тишине редкий гул горящих свечей мягко отдавался в куполе, как звуки далекого грома.

Вскоре в это место вошли ещё три священника. Двое несли большие свечи, а третий, облаченный в одежду красного цвета, шёл между ними. В руках он нёс древний пергамент в свитке. Три священника остановились за кругом монахов, и священник в красном развернул свиток, открыв столбцы китайского письма. Пергамент содержал переводы стихов, высеченных на поверхности Вратного камня.

За пределами храма, на его территории, единственным звуком было журчание спокойного ручья. Дрозд внезапно взлетел, преследуя пчелу среди садовых цветов. Когда клюв певчей птицы схватил пчелу в воздухе, раздался взрыв, и мгновенно

Купол храма разлетелся на сотни футов, разбрасывая каменные осколки по воздуху. Удар был настолько сильным, что сорвал листья с ближайших деревьев, а обломки гранита и человеческих костей вонзились в их обгоревшие стволы. Огромные куски камня обрушились на сад, ломая ветви и оставляя во всю округу разровненная земля. Клубы пыли и пепла неслись по территории и скатывались по всему склону горы, словно бурлящий пирокластический поток.

Остатки храма обжигало невыносимым жаром, раскалявая уцелевшие камни.

Температура продолжала расти, пока стенки гладкой ямы в самом центре храма не растаяли, словно просачивающаяся смола. Обожженные деревья вокруг храма вспыхнули пламенем. Неповрежденный Каменный портал выделялся из центра кратера. Отверстие в сердцевине камня покрылось густой черной дымкой, которая начала бурлить и вырываться из «Гейтстоуна» подобно вязкому едкому облаку, плотному, как сернистые газы.

Облако поднялось из кратера и прижалось к земле, дрейфуя под более светлым пеплом. Оно не рассеялось, а осталось сплошной кипящей массой, причиняя вред окружающей среде. За собой следовала зелень сада. Затем, на нетронутой поляне, облако остановилось и некоторое время кружилось на месте, прежде чем свернуться само в себя и слиться в центре. Дуги света, напоминающие грозу в глубоком кучевом слое, промелькнули, и в глубине массы начала формироваться форма. Сначала тень, она постепенно набирала плотность и структуру, и, наконец, приобрела телесные оттенки. Облако истончилось, обнажив обнаженную женщину с распростертыми перепончатыми крыльями. Ее волосы до пояса были черными, как черный оникс, и тонкими, как шелковая нить. Ее глаза и ногти были такими же черными и мерцающими, как лицо Гейтстоуна, что резко контрастировало с ее почти прозрачной кожей, бледной, как Смерть. Ее ангельская красота Люцифаэля не имела себе равных даже среди самой Евы. Она была нечестивой Люцифаэль, Драконом, пленительной Лилит, яркой Утренней Звездой, древней Хейлель и Матерью-Суккубом Ада — тысяча тысяч имён, передававшихся из поколения в поколение. Материализованный дух Люцифаэля выплюнул голосом множества женщин: «Один! Осталось двое», — вздохнула она, пристально осматривая разрушения.

Вокруг неё рассеивающийся туман открывал пейзаж кошмара. Территория храма представляла собой дымящиеся, кишасщие трупами руины. Поле тьмы окружало пылающие остатки храма, а внешние сады лежали пустынными и обгоревшими, умирая от жажды. Пар поднимался от ручья, теперь почерневшего от сажи и угля. Деревья бонсай потрескивали, горели, и время от времени одно за другим падало в пепел и уголь там, где они когда-то стояли.

Люцифаэль шагнула вперед и подняла с земли мертвого голубя. Она погладила птицу, пока... Заботливая душа. «Еще нет, моя дорогая», — прошептала она. «Иди сюда». Птичка оживила, ее голова закачалась, словно шея была сломана. Она погладила ее. «В самом деле. Вернись, малышка». «Один». Его глаза медленно открылись и встретились с её взглядом. Он затрепетал, и она схватила его за шею. Она поднесла птицу к лицу, глубоко вдохнула и выдохнула густое сернистое облако над сопротивляющейся птицей. Ее перья засветились желтым.

В этом протухшем шлейфе таились семена уничтожения, угрожавшие практически всему живому на земле, ибо он нёс смертоносный микроб, способный сгнить на лице Азии, а со временем и большей части Европы. Этим микробом была Yersenia Pestis — орудие Чёрной смерти. Люцифаэль усмехнулась и велела птице: «Послушай меня, малышка. Передай людям слово моё — что я скоро приду, чтобы вернуть себе то, что принадлежит мне». Она подбросила голубя в воздух. Он кружил и полетел на юг, в то время как Люцифаэль вспыхнула облаком катящегося пепла, который затем превратился в подобие ворона. Дымчатое лицо пронеслось по земле и нырнуло в отверстие Воротного камня.

Неуклюже и беспорядочно голубь взмыл по спирали в воздухе вдоль склона горы и вылетел на равнину. Его тень коснулась соломенных крыш крошечного поселения, он пролетел через поле и сквозь густые заросли леса. В конце концов, птица добралась до... Сердце перенаселенной деревни. Оно впало в припадок и рухнуло на землю, разбившись о решетчатую стену здания, после чего остановилось на земле за рыбным прилавком на оживленном деревенском рынке. С наступлением вечера, когда рынок опустел, никого не осталось. Они заметили мертвую птицу, и в сгущающейся темноте никого не осталось, чтобы увидеть болезненно- бледный свет, начавший исходить от туши.

Голубь застыл и похолодел, но его перья всё ещё блестели зловещим жёлтым светом. На рассвете пара чёрных крыс наткнулась на труп. Одна крыса обнюхала его. Один из них пристально смотрел на ее зияющий глаз, а другой обнюхивал ее заднюю часть, и оба, найдя тушу свежей, принялись ее поедать. Однако, прежде чем они закончили это ужасное пиршество, к рыбному прилавку подошел мужчина, отмахнулся от зеленоспинных мух и шлепнул тяжелую рыбу с молочными глазами на грубые доски прилавка. Крысы разбежались, наевшись болезней, которые содержались в мясе птицы.

Крысы были искусными падальщиками, но еще более эффективными оказались паразиты, которые незаметно пировали на грызунах. Бактерии, попавшие на рынок вместе с храмовым голубем, размножились в телах крыс, превращая их в живое рагу и смертельную смесь для блох, которые их поражали. Хотя блохи не сильно пострадали от бактерий, они жадно наелись зараженной крысиной крови, которую тут же

Блохи отрыгивали в тела последующих жертв, готовясь к следующей трапезе. В течение двух недель после того, как голубь, словно манна небесная, упал в крысиную нору, блохи распространили микроб среди всех крыс в деревне.

Крысы начали умирать, вынуждая блох искать более здоровую пищу. Болезнь тоже искала новые места для размножения, истребляя популяцию грызунов, и, распространяясь в желудках миллиардов блох, находила нового хозяина — болезнь переходила к своей следующей жертве: людям.

В это прекрасное солнечное утро юная китайка осматривала связанные пучки черного имбиря, сваленные на прилавке с овощами и фруктами, в нескольких футах от места приземления проклятого голубя. Указав на небольшой сверток, девочка спросила старушку, которая держала прилавок, сколько она хочет за него. Женщина помахала семью пальцами перед своей беззубой улыбкой. Девочка улыбнулась, принимая предложение: цена была справедливой. Женщина взяла монеты девочки и протянула ей сверток с корнями, но в этот момент ее юная покупательница вскрикнула и отскочила от прилавка. «Крыса!» — воскликнула она, ее приятное лицо исказилось от отвращения. «Она пробежала мимо». «Моя нога».

Женщина рассмеялась, лениво взмахнув рукой в воздухе. «Всего лишь безобидные вредители», — сказала она, ухмыляясь. «Они стали такими смелыми из-за обилия еды, почти как домашние животные».

Девушка потянулась за покупкой, желая теперь поскорее уйти от этой старухи и ее «питомцев». Почувствовав жжение в лодыжке, она снова отшатнулась от торговца и приподняла подол своей длинной юбки, обнажив босую ногу. Она наклонилась, чтобы рассмотреть ее поближе, нахмурившись. При этом широкая соломенная шляпа, которую она носила, упала на землю, где ее растоптал проходящий мимо торговец. Старуха разразилась смехом, казалось, находя забаву в самых обычных несчастьях. Острый взгляд девушки только усилил веселье старухи.

«Если бы всем так не повезло, как тебе, мы бы все умерли к рассвету», — хихикнула она. Девушка, не увидев комичности в этой мрачной философии, подняла шляпу и снова надела её на голову. Смех старухи насмешливо сопровождал её, когда она, топнув ногой, исчезла в толпе с пучком имбиря, грязной шляпой и куском блохи.

Этот укус, пусть и небольшой, оказался достаточно сильным, чтобы поглотить почти половину известного мира.

В считанные дни последовавшая вспышка болезни прокатилась по китайской деревне подобно цунами. Дети, наиболее близкие к земле, животным и насекомым, ползающим по ней, первыми заболели и умерли. Уровень заболеваемости был ничтожно мал.

Показатель заболеваемости резко подскочил, достигнув почти семидесяти пяти процентов. Мягкая зима создала идеальные условия для распространения болезни, а грядущая теплая погода окажется еще более разрушительной для людей и еще более благоприятной для бактерий. Хотя ад не предназначен для радости, в тот трагический момент заражения людей Люцифаэль запрыгал. Человек был готов. Теплая погода идеально подходила для того, чтобы Смерть дала обильный урожай, и она всегда стояла наготове, размахивая заточенной и блестящей косой, словно опытный наемный работник, жаждущий пожать плоды своего изобилия.

Заражённые чумой умирали внезапно, поскольку микроб основательно разрушал их иммунную систему. Он поражал лимфатические узлы до разрыва, делая их неработоспособными. Тело жертвы почти не успевало защититься, прежде чем окончательно поддаться влиянию болезни. Под кожей жертвы скопились черные пятна кровоточащей крови, а инфицированные жидкости организма — кровь, пот и отходы — источали ужасающий смрад.

Бубонная чума была одним из самых хитроумных замыслов ада. Дыхание Люцифаил было коварным, и её желанием было полное уничтожение её противников. Таким образом, чума была химическим оборотнем: то, чего она не достигала в одной форме, она достигала в других. Болезнь менялась, и вторая волна инфекции прокладывала свой тёмный путь по полю человеческой жизни, а затем и третья волна. Легочная чума поражала лёгкие своих жертв и размножалась там так быстро, что грудная полость несчастной жертвы раздувалась и наполнялась кровью в течение нескольких дней после заражения. Хотя некоторые пережили бубонную чуму, лёгкая чума не щадила никого. Хуже того, инфекция легко передавалась через кашель или чихание — смерть наполняла сам воздух.

Третья форма инфекции оказалась самой смертоносной из всех. Септическая чума поражала кровь, заполняя каждую частицу ткани тела стремительно размножающейся бациллой. Жертвы умирали в течение нескольких часов, их внутренние органы буквально разжижались в лужах высокозаразной крови. Как и легочная форма чумы, септическая инфекция была почти стопроцентно смертельной.

Чума быстро распространилась от своего источника и охватила сельскую местность. Три четверти всех окрестных деревень и городов, подвергшихся нападению эпидемии, были уничтожены в течение нескольких дней. В последующие недели сотни тысяч зараженных трупов лежали разбросанными по открытым полям, потому что мало кто осмеливался хоронить их из страха заразиться. Популяция мух резко возросла, а гниющие трупы стали прекрасными инкубаторами для их личинок. В более развитых районах страны зловоние почерневших, раздутых трупов было настолько сильным, что запах мертвой деревни можно было почувствовать почти за десять миль по ветру. Началась массовая миграция, десятки тысяч людей искали убежище в отдаленных, необжитых районах.

Даже в паническом бегстве путешественники избегали проторенных дорог, которые были усеяны гниющими останками людей, а иногда и целых деревень. Сельские дороги часто были заблокированы телегами, полными мух, всё ещё запряженными мертвыми лошадьми. Смерть и разложение были повсюду. Чума свирепствовала, и люди были её рабами. Великая чума унесла более тридцати пяти миллионов жизней китайцев за шестнадцать тяжёлых лет, и всё же она не была утолена. Чума бесшумно продвигалась в Месопотамию и Малую Азию, опустошая их, как и Китай, распространяясь по целым континентам, словно мстительная, мародерствующая орда.

Болезнь пронизывала все жилы азиатской цивилизации, следуя по торговым путям, пролежавшим через сердце Монголии. Шелковый путь, древний караванный маршрут, по которому товары Востока доставлялись к Средиземному морю, теперь вел назначенную Смертью служанку в Европу. Смерть, словно мерзкий ветерок, витала над землей, отравляя воздух протухшим запахом гниения. Ее нечестивая вонь была настолько сильна, что могла оглушить даже небеса. Так случилось, как это неизменно происходит в ужасных событиях истории, что послание Люцифаэля разнеслось по всей земле — вскоре она вернет себе свою собственную.

[Конец главы 1]

Это литературное произведение было создано

d исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~